

Сказка о прощении

— Я не прошу, — сказала Она. — Я буду помнить.

— Прости, — попросил ее Ангел. — Прости, тебе же легче будет.

— Ни за что, — упрямо сжала губы Она. — Этого нельзя прощать. Никогда.

— Ты будешь мстить? — обеспокоенно спросил он.

— Нет, мстить я не буду. Я буду выше этого.

— Ты жаждешь сурового наказания?

— Я не знаю, какое наказание было бы достаточным.

— Всем приходится платить за свои решения. Рано или поздно, но всем... — тихо сказал Ангел. — Это неизбежно.

— Да, я знаю.

— Тогда прости! Сними с себя груз. Ты ведь теперь далеко от своих обидчиков.

— Нет. Не могу. И не хочу. Нет им прощения.

— Хорошо, дело твое, — вздохнул Ангел. — Где ты намерена хранить свою обиду?

— Здесь и здесь, — прикоснулась к голове и сердцу Она.

— Пожалуйста, будь осторожна, — попросил Ангел. — Яд обид очень опасен. Он может оседать камнем и тянуть ко дну, а может породить пламя ярости, которая сжигает все живое.

— Это Камень Памяти и Благородная Ярость, — прервала его Она. — Они на моей стороне.

И обида поселилась там, где она и сказала — в голове и в сердце.

Она была молода и здорова, она строила свою жизнь, в ее жилах текла горячая кровь, а легкие жадно вдыхали воздух свободы. Она вышла замуж, родила детей, завела друзей. Иногда, конечно, она на них обижалась, но в основном прощала. Иногда сердилась и ссорилась, тогда прощали ее. В жизни было

всякое, и о своей обиде она старалась не вспоминать.

Прошло много лет, прежде чем она снова услышала это ненавистное слово – «простить».

— Меня предал муж. С детьми постоянно трения. Деньги меня не любят. Что делать? – спросила она пожилого психолога.

Он внимательно выслушал, много уточнял, почему-то все время просил ее рассказывать про детство. Она сердилась и переводила разговор в настоящее время, но он снова возвращал ее в детские годы. Ей казалось, что он бродит по закоулкам ее памяти, стараясь рассмотреть, вытащить на свет ту давнюю обиду. Она этого не хотела, а потому сопротивлялась. Но он все равно узрел, дотошный этот дядька.

— Чиститься вам нужно, — подвел итог он. — Ваши обиды разрослись. На них налипли более поздние обиды, как полипы на коралловый риф. Этот риф стал препятствием на пути потоков жизненной энергии. От этого у вас и в личной жизни проблемы, и с финансами не ладится. У этого рифа острые края, они ранят вашу нежную душу. Внутри рифа поселились и запутались разные эмоции, они отравляют вашу кровь своими отходами жизнедеятельности, и этим привлекают все новых и новых поселенцев.

— Да, я тоже что-то такое чувствую, — кивнула женщина. — Время от времени нервная становлюсь, порой депрессия давит, а иногда всех просто убить хочется. Ладно, надо чиститься. А как?

— Простите ту первую, самую главную обиду, — посоветовал психолог. — Не будет фундамента – и риф рассыплется.

— Ни за что! – вскинулась женщина. — Это справедливая обида, ведь так оно все и было! Я имею право обижаться!

— Вы хотите быть правой или счастливой? – спросил психолог. Но женщина не стала отвечать, она просто встала и ушла, унося с собой свой коралловый риф.

Прошло еще сколько-то лет. Женщина снова сидела на приеме, теперь уже у врача. Врач рассматривал снимки, листал анализы, хмурился и жевал губы.

— Доктор, что же вы молчите? – не выдержала она.

— У вас есть родственники? – спросил врач.

— Родители умерли, с мужем в разводе, а дети есть, и внуки тоже. А зачем вам мои родственники?

— Видите ли, у вас опухоль. Вот здесь, — и доктор показал на снимке черепа, где у нее опухоль. — Судя по анализам, опухоль нехорошая. Это объясняет и ваши постоянные головные боли, и бессонницу, и быструю утомляемость. Самое плохое, что у новообразования есть тенденция к быстрому росту. Оно увеличивается, вот что плохо.

— И что, меня теперь на операцию? – спросила она, холодея от ужасных предчувствий.

— Да нет, — и доктор нахмурился еще больше. — Вот ваши кардиограммы за последний год. У вас очень слабое сердце. Такое впечатление, что оно зажато со всех сторон и не способно работать в полную мощь. Оно может не пережить операции. Поэтому сначала нужно подлечить сердце, а уж потом...

Он не договорил, а женщина поняла, что «потом» может не наступить никогда. Или сердце не выдержит, или опухоль задавит.

— Кстати, анализ крови у вас тоже не очень. Гемоглобин низкий, лейкоциты высокие... Я пропишу вам лекарства, — сказал доктор. — Но и вы должны себе помочь. Вам нужно привести организм в относительный порядок и заодно морально подготовиться к операции.

— А как?

— Положительные эмоции, теплые отношения, общение с родными. Влюбитесь, в конце концов. Полистайте альбом с фотографиями, вспомните счастливое детство.

Женщина только криво усмехнулась.

— Попробуйте всех простить, особенно родителей, — неожиданно посоветовал доктор. — Это очень облегчает душу. В моей практике были случаи, когда прощение творило чудеса.

— Да неужели? — иронически спросила женщина.

— Представьте себе. В медицине есть много вспомогательных инструментов. Качественный уход, например... Забота. Прощение тоже может стать лекарством, причем бесплатно и без рецепта.

Простить. Или умереть. Простить или умереть? Умереть, но не простить? Когда выбор становится вопросом жизни и смерти, нужно только решить, в какую сторону ты смотришь.

Болела голова. Ныло сердце. «Где ты будешь хранить свою обиду?». «Здесь и здесь». Теперь там болело. Пожалуй, обида слишком разрослась, и ей захотелось большего. Ей вздумалось вытеснить свою хозяйку, завладеть всем телом. Глупая обида не понимала, что тело не выдержит, умрет.

Она вспомнила своих главных обидчиков — тех, из детства. Отца и мать, которые все время или работали, или ругались. Они не любили ее так, как она этого хотела. Не помогало ничего: ни пятерки и похвальные грамоты, ни выполнение их требований, ни протест и бунт. А потом они разошлись, и каждый завел новую семью, где ей места не оказалось. В шестнадцать лет ее отправили в техникум, в другой город, всучив ей билет, чемодан с вещами и три тысячи рублей на первое время, и все — с этого момента она стала самостоятельной и решила: «Не прощу!». Она носила эту обиду в себе всю жизнь, она поклялась, что обида вместе с ней и умрет, и похоже, что так оно и сбывается.

Но у нее были дети, были внуки, и вдовец Сергей Степаныч с работы, который пытался неумело за ней ухаживать, и умирать не хотелось. Ну правда вот — рано ей было умирать! «Надо простить, — решила она. — Хотя бы попробовать».

— Родители, я вас за все прощаю, — неуверенно сказала она. Слова прозвучали жалко и неубедительно. Тогда она взяла бумагу и карандаш и написала: Уважаемые родители! Дорогие родители! Я больше не сержусь. Я вас за все прощаю.

Во рту стало горько, сердце сжалось, а голова заболела еще больше. Но она, покрепче сжав ручку, упрямо, раз за разом, писала: «Я вас прощаю. Я вас прощаю». Никакого облегчения, только раздражение поднялось.

— Не так, — шепнул Ангел. — Река всегда течет в одну сторону. Они старшие, ты младшая. Они были прежде, ты потом. Не ты их породила, а они тебя. Они подарили тебе возможность появиться в этом мире. Будь же благодарной!

— Я благодарна, — произнесла женщина. — И я правда очень хочу их простить.

— Дети не имеют права судить своих родителей. Родителей не прощают. У них просят прощения.

— За что? — спросила она. — Разве я им сделала что-то плохое?

— Ты себе сделала что-то плохое. Зачем ты оставила в себе ту обиду? О чем у тебя болит голова? Какой камень ты носишь в груди? Что отравляет твою кровь? Почему твоя жизнь не течет полноводной рекой, а струится хилыми ручейками? Ты хочешь быть правой или здоровой?

— Неужели это все из-за обиды на родителей? Это она, что ли, так меня разрушила?

— Я предупреждал, — напомнил Ангел. — Ангелы всегда предупреждают: не копите, не носите, не

травите себя обидами. Они гниют, смердят и отравляют все живое вокруг. Мы предупреждаем! Если человек делает выбор в пользу обиды, мы не вправе мешать. А если в пользу прощения – мы должны помочь.

— А я еще смогу сломать этот коралловый риф? Или уже поздно?

— Никогда не поздно попробовать, — мягко сказал Ангел.

— Но они ведь давно умерли! Не у кого теперь просить прощения, и как же быть?

— Ты проси. Они услышат. А может, не услышат. В конце концов, ты делаешь это не для них, а для себя.

— Дорогие родители, — начала она. — Простите меня, пожалуйста, если что не так... И вообще за все простите.

Она какое-то время говорила, потом замолчала и прислушалась к себе. Никаких чудес – сердце ноет, голова болит, и чувств особых нет, все как всегда.

— Я сама себе не верю, — призналась она. — Столько лет прошло...

— Попробуй по-другому, — посоветовал Ангел. — Стань снова ребенком.

— Как?

— Опустись на колени и обратись к ним, как в детстве: мама, папа.

Женщина чуть помедлила и опустилась на колени. Она сложила руки лодочкой, посмотрела вверх и произнесла: «Мама. Папа». А потом еще раз: «Мама, папа...». Глаза ее широко раскрылись и стали наполняться слезами. «Мама, папа... это я, ваша дочка... простите меня... простите меня!». Грудь ее сотрясли подступающие рыдания, а потом слезы хлынули бурным потоком. А она все повторяла и повторяла: «Простите меня. Пожалуйста, простите меня. Я не имела права вас судить. Мама, папа...».

Понадобилось немало времени, прежде чем потоки слез иссякли. Обессиленная, она сидела прямо на полу, привалившись к дивану.

— Как ты? – спросил Ангел.

— Не знаю. Не пойму. Кажется, я пустая, — ответила она.

— Повторяй это ежедневно сорок дней, — сказал Ангел. — Как курс лечения. Как химиотерапию. Или, если хочешь, вместо химиотерапии.

— Да. Да. Сорок дней. Я буду.

В груди что-то пульсировало, покалывало и перекатывалось горячими волнами. Может быть, это были обломки рифа. И впервые за долгое время совершенно, ну просто ни о чем, не болела голова.